

Книги Дмитрия Старицкого
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

ГОРЕЦ. ВВЕРХ ПО ТЕЧЕНИЮ
ГОРЕЦ. ОРУЖЕЙНЫЙ БАРОН
ГОРЕЦ. ИМПЕРСКИЙ РЫЦАРЬ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДМИТРИЙ СТАРИЦКИЙ

ГОРЕЦ.
ИМПЕРСКИЙ РЫЦАРЬ

РОМАН

Москва, 2016
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С77

Серия основана в 1992 году
Выпуск 995

Художник
М. Поповский

Старицкий Д.

С77 Горец. Имперский рыцарь: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 312 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2181-7

Я, Савва Кобчик, студент Тимирязевской академии, когда я попал в этот мир, то мне просто надо было выжить. И я отдался на волю течения жизни. А та потащила меня по течению вверх. В сферы, в которые я никогда не стремился и которые для меня зачастую непонятны. «Это надо восать с молоком матери», — говорил мне генерал-адъютант ольмюцкого короля, и он оказался прав. Я постоянно попадаю в неприятные ситуации именно потому, что я даже не столько не знаю местных реалий, сколько их не чую. И не только пресловутое придворное общество, но и горские обычаи того народа, к которому я тут официально принадлежу. Другие реакции во мне воспитаны. Я — русский крестьянин, кулак, если хотите. Проще всего мне здесь в армии, потому как армия везде армия. Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак. Но именно служить в армии там, где я хочу — в воздухоплавательном отряде на дирижаблях, мне как раз и не дают. И вообще, все, что я создал для имперской армии, у меня отобрали. Бронепоезд, штурмовую роту... Надавали орденов, даже Рыцарский крест — аналог Героя России тут, а воевать не пускают. Как фабрикант я правителям нужнее, чем как офицер. Офицеров у них много, а фабрикантов, особенно таких, кто выпускает пулеметы, мало.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2181-7

© Дмитрий Старицкий, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

Меня сегодня император, сам того, может быть, и не желая, повысил в чине. Повелеть соизволил...

Нет, я как был, так и остался лейтенантом имперского флота и штаб-фельдфебелем ольмюцкой гвардейской артиллерии, но тут такое дело... Его императорское величество Отоний Второй, лично наблюдая с фаса южного форта бомбардировку с дирижаблей полевых позиций противника, настолько впечатлился этим зрелищем, что в тот же вечер особым указом выделил воздушный флот империи из морского флота в отдельный род войск. И тем же указом он присвоил чинам воздушного флота преимущество в один ранг перед чинами морского флота. И стали воздухоплаватели как бы на положении гвардии, у которой перед армией преимущество в два ранга при одинаковом же названии чина. Впрочем, неофициально нас потом так и окрестили «воздушной гвардией».

Звание «адмирала неба» и должность инспектора Имперского воздушного флота его императорское величество всемиловитейше возложил на самого себя.

Так что наш Королевский воздухоплавательный отряд автоматом вошел в новую структуру под прямое подчинение императора. Радовало только то, что Плотто так и остался командовать нашим отрядом и даже был повышен в чине до фрегат-капитана.

Финансирование достройки больших дирижаблей конструкции Гурвинека император также взял на свой кошт. Хорошо это или плохо — покажет ближайшее будущее.

Воздушные крейсера — аппараты очень дорогие. Дороже только морские броненосцы.

И другими плюшками нас император не обидел. Ввел двойную выслугу того дня, когда мы летаем, и полуторный оклад и так не маленького жалованья. Это не считая отдельных «подъемных» денег за полеты. Таким образом, каждый боевой вылет на войне учитывался как шесть дней календарной выслуги. А чтобы получать дополнительную летную надбавку к жалованью, достаточно было подняться в воздух пять раз в месяц.

Натурально, получили мы усиленный летный паек, на котором настояли врачи. С импортным шоколадом. Швейцарским. С особого рода пеммиканом из прессованной смеси сушеного и растертого в крошку оленьего мяса, сала, тертых орехов и ягод. Его моментально в народе обозвали «летней халвой». Ну и по мелочи там еще разного вкусенького. Дефицитного по военному времени.

Униформа у нас осталась морской, но на погоны добавили голубую выпушку, а вместе с ней и повышение в ранге автоматом. Вместе со всеми сподобился всех этих щедрот и я как занесенный в списки Ольмюцкого королевского воздухоплавательного отряда в качестве офицера по особым поручениям при его командире. Одним словом, снова пруха пошла.

Вернувшийся из Будвица денщик привез мне новые полевые погоны уже с двумя капитанскими звездочками, но сам в морскую форму так и не переделался — не любил он ее. Погоны, как и галуны на рукава, нам теперь полагались серебряные, а не золотые, как морякам. Чтобы отличать.

Но пока о небе я мог только мечтать, ползая по рельсам в особом дивизионе бронепоездов. По крайней мере, до окончания этого осеннего наступления на восток.

Вместе с погонами привез мне Тавор поздравления с повышением от королевского генерал-адъютанта Онкена. Разумеется, я понимал, что без встречи со своим куратором прикрепленный ко мне стукач не обойдется, и шельмаденщик это знал. Так что стучал он теперь в обе стороны. Меня это устраивало. Особенно то, что благодаря такому

своеобразному положению всего лишь старший канонир лейб-гвардейской артиллерии умудрился без проблем выпихнуть из зоны боевых действий три эшелона с трофейным латунным ломом — стреляными снарядами гильзами, которые я захватил у моста, вызвав у Гоча на заводе нездоровый ажиотаж — куда все это складировать? Ну это теперь его проблемы... Главное, что Тавор привез мне от Гоча новые пулеметы взамен разбитых в бою.

От созерцания новых погончиков на своих плечах в мутном обывательском зеркале на беленой стене комнаты, куда нас определили на постой, меня отвлек королевский фельдъегерь.

— Господин капитан... — раздалось вместе со скрипом открываемой двери.

В проеме появилась очень невзрачная фигура в чине вахмистра ольмюцких кирасир. В очень запыленном колете. Из-под кожаной каски по его запыленному лицу стекали ручейки пота.

— Воздушного флота техник-лейтенант, — поправил я его.

— Простите, господин лейтенант, мне сказали, что в этом доме квартирует королевский комиссар Кобчик. Ему пакет.

— Присаживайтесь, вахмистр, — предложил я ему. — Сидр, вино, вода?

— Сидр, если можно, — не стал тот отказываться от угощения. А с чего бы? Несмотря на начало сентября, на улице жарко.

— Тавор, тащи сюда кувшин сидра из погреба, — крикнул я в открытое окно во двор денщику.

И, повернувшись к вахмистру, представился:

— Честь имею, комиссар Чрезвычайной королевской комиссии по борьбе с саботажем и пособничеством врагу, флигель-адъютант его королевского величества и воздушного флота техник-лейтенант Савва Кобчик, барон Бадонверт. К вашим услугам. Вот мандат, — достал я из планшетки свой страшный документ и офицерское удостоверение.

В доставленном пакете находился королевский указ об учреждении медали Креста военных заслуг под знаковым названием «За отвагу». Мое предложение, между прочим. Как-то кронпринц, еще до осеннего наступления, обмолвился, что в этой новой войне массовых армий слишком много появилось солдат, чьи подвиги на полноценный крест вроде бы и не тянули, а вот отметить бы их стоило. Если по справедливости. Я тогда, не задумываясь, выдал готовое решение из моего мира. Вот ко двору и пришлось. Правда, вместо танков и самолетов на аверсе новой серебряной медали изобраили сам крест военных заслуг с мечами, а на реверсе надпись «За отвагу» и порядковый номер.

Вместе с указом в пакете лежал королевский рескрипт на мое имя, предписывающий представить к этой новой медали весь личный состав отряда, который совершил стремительный ночной захват узловой станции, железнодорожного моста через Нысю, устроил погром на коммуникациях противника в его глубоком тылу, а потом полдня оборонял мост, пока его минировали. Весь состав, за исключением тех бойцов, кто действительно своим подвигом выделяется из общей массы и достоин военного креста. Понятно... Прецедент желает создать его королевское величество и одновременно приподнять статус Креста военных заслуг. Чтобы потом было чем в рыло тыкать возражающим.

Что ж, мне легче. А то я голову сломал, сидя за наградными листами. Все же они должны отличаться друг от друга описанием индивидуальных подвигов, а у меня все как-то коряво да однообразно выходило: «стоял... стрелял... ранен, но остался в бою». А как еще сказать, что мы бойца раненого не могли оттащить в непростреливаемое место? Просто за неимением такового. Да и не литератор я ни разу...

Вчера выбил у командующего первым армейским корпусом генерал-лейтенанта Аршфорта смену моим оставшимся у моста егерям. В обмен на оба тяжелых пулемета, которые они должны были оставить сменному пехотному взводу. И эскадрон драгун назначили патрулировать речной берег от проникновения вражеских пластунов и попыток царцев наладить временные переправы. Генерал хоть и мо-

лод, но далеко не дурак. Понимает, чем могут обернуться вражеские плацдармы в тылу наступающих войск.

Генерал Аршфорт «в связи с изменившимися обстоятельствами на фронте» переиграл мое предписание и приказал после отдыха готовиться к броску на север.

Кроме мотоброневагона мне подчинили еще шпальный бронепоезд «Аспид». В импровизированный броневой отряд вошли и все рецкие штурмовики — уже по моему требованию, которое с легкостью было удовлетворено: на броневой дивизион Безбаха и так работал целый огемский пехотный батальон, и командир бронедивизиона оставил горцев на охране и обороне вокзала, депо и многочисленных складов.

Обрадовал меня комкор и дополнительным усилением — укомплектованным канонирами огневым взводом из двух 75-миллиметровых нами же затрофеенных на станции пушек.

И даже требование, что такой отряд следует усилить саперной ротой на случай разрушения врагом мостов и железнодорожного полотна, возражений у командующего не встретило.

Это просто праздник какой-то!

Состав обеспечения приходилось импровизировать на ходу, потому как штатный обслуживал головной бронепоезд на юге. Да и тут мне полностью развязали руки, но только в отношении трофеев. Свое все у первого квартирмейстера было заранее расписано: куда, когда и кому. К тому же, как ни считали по максимуму в штабе перед наступлением, всего не хватало, за что ни возьмись.

Формально мой отдельный отряд входил в броневой дивизион Безбаха, а фактически действовал самостоятельно как резерв командования корпуса на северном фазе фронта.

На южном участке пехотную дивизию из корпуса Аршфорта вскоре должна была сменить гренадерская дивизия императорской гвардии, которая срочно перебрасывалась из центра страны по железной дороге. Император озабочился личным пиаром, чтобы смело заявить в случае ожи-

даемой победы, что это «МЫ пахали». И раз он лично здесь присутствует, то не отдавать всю победу вассалу — ольмюцкому королю. Думаю, что при необходимости его императорское величество найдет дополнительные резервы и кроме собственной лейб-гвардии. Это радовало. Как и то, что не вешают нам на шею имперских генштабистов.

Аршфорту оперативно подчинили также отогузскую кавалерийскую дивизию и обе речкие стрелковые бригады, прорвавшиеся в Приморье через «непроходимые» болота. Они уже резвились там вовсю. Но связь с ними была прерывистой. Так что действовали они автономно.

Задача перед усиленным корпусом (фактически целой армией) была поставлена нетривиальная: в кратчайшие сроки взять морской порт под контроль королевских войск.

Учитывая, что императорскую гвардию направляют на юг, можно считать, что король таки выбил из сюзерена согласие на присоединение всего Приморья к Ольмюцу. Точнее, получил монаршее соблаговоление на воссоединение исторически родственных земель в один субъект империи.

Но за плюшками и ложка дегтя пожаловала.

Аршфорт, убедившись, что все мои заявки нашли исполнителей, твердо сказал:

— Я надеюсь, лейтенант, что свои комиссарские обязанности вы будете выполнять вне служебного времени. И они не отразятся на боевой работе вверенных мне войск. Мне хватает в корпусе и одного бездельника, — намекнул он на своего офицера контрразведки.

Вот так вот. Силен мужик.

Думаете, я стал возражать? На фига это мне, когда все мои требования исполняются влет? Так что молчаливое соглашение между нами было достигнуто. Да и нравился мне этот генерал своей толковостью. Не видел я никакой пользы от конфронтации, когда меня самого на фронт удалили из столицы от возможного гнева императора.

Я только потребовал, чтобы разыскали мои раздерганные снайперские группы вместе с расчетами траншейных пушек и вернули в отряд, так как это есть единые части нашего штурмового подразделения. К тому же там все горцы

рецкие, речь которых мало кто понимает из оземских офицеров. И не встретил возражений.

Отдел первого квартирмейстера корпусного штаба работал четко. Нас быстро расквартировали всех в одном районе города, во вполне приличном частном секторе, как сказали бы у меня на родине в Калужской области. И отправили на трехсуточный отдых, пока бронепоезд «Княгиня Милолюда» обеспечивал поддержку дивизии, наступающей на юг вдоль рокады.

И уже к вечеру персонально мне подогнали этот уютный домик с молодой симпатичной хозяйкой — двадцатипятилетней вдовой, у которой наличествовал приличный винный погреб, хорошая мебель, мягкая перина и не всех кур сожрали оккупанты.

Пока хозяйка кормила фельдъегеря куриной лапшой в саду, я с рецкими офицерами согласно предписанию составлял наградные листы, удивляясь, как ловко у них из-под карандаша вылетают красивые и четкие формулировки.

— Этому всех еще в военном училище учат, — просветили меня кадровые офицеры.

К моему удивлению, капитан Вальд наотрез отказался от Креста военных заслуг, заявив, что ничего особого при захвате узловой станции он не сделал. Разве что обеспечил бесперебойную подачу боеприпасов штурмовым группам и организованно принимал пленных с трофеями. Традиционно ротой в бою командовать ему не пришлось.

— Рутина. Я даже не выстрелил ни разу. Но если ваш король настаивает, чтобы всех в моей роте наградили новой медалью, то пусть я буду, как все, — закончил он свою вдохновенную речь.

А после того как фельдъегеря с толстой пачкой наградных листов отправили обратно, мы сели в том же узком офицерском кругу обмывать мою новую звездочку на погонах. Почему-то мои рецкие субалтерны вбили себе в голову, что таким образом сам император отметил меня за прошедшую операцию, и я никак не мог их в этом разубедить, уверяя, что просто так звезды сошлись. А-а-а, что с них

взять — реции. Их вождь достоин, и это главное. А как там на самом деле — их особо не волнует.

Накушались в тот вечер сливовицы знатно. Расползались раком. До того, что хозяйка меня на своем плече дотащила до перины, сама раздела и — вот ей-богу, именно так и было — изнасиловала, пользуясь моим беспомощным состоянием. Вроде так пишут в полицейских протоколах.

Опохмелился с утра капустным рассолом, что со смущением принесла мне хозяйка из погреба в холодной крынке. Ни на что другое я даже смотреть не мог — организм активно протестовал даже от одного вида богато накрытого завтрака.

Мне бы выспаться вчерашний загул и проснуться человеком, а тут извольте топать на службу. Черт бы побрал этого Аршфорта и его исполнительный штаб. Заказывали? Распишитесь в получении. Вздохнул и пошел принимать саперную роту.

Обычную роту. Армейскую. Ольмюцкую. Из оземцев и удетов. Командовал ею капитан Такар, инженерил в ней старший техник-лейтенант Кропалик. Оба поднялись «от земли» уже в армии благодаря грамотности и хорошей службе. Оба в возрасте, так как порядком послужили еще в унтерах. Думаю, сработаемся. Правда, сами они на меня ко-со поглядывают, не зная еще, чего ждать от целого барона. Тем более такого «сопливого».

Что да, то да... Капитанские звезды в двадцать три — ну ладно, почти в двадцать четыре года тут редко кто носит. Для многих чин капитана — венец военной карьеры. Потому как батальонных командиров требуется в четыре раза меньше, чем ротных. Да и в субалтернах по десять лет ходить тут норма. Здесь большинство в отставку выходят капитанами после четверти века службы в офицерских чинах. Это я как-то в струю попал... Спас от плена молочного брата кронпринца — и уже любимчик Фортуны.

Вооружена рота старыми однозарядными винтовками Кадоша с длинными штыками-пилами. Топоры, ломы и прочий шанцевый инструмент в полном комплекте. Все четыре взвода в наличии. Даже группа ротного инженера есть

со всеми потребными приборами. И большое хозяйство ротного фельдфебеля. Сто семьдесят восемь человек спичного состава, повозки и гужевые животные по штату.

Вздыхнул я и навесил на Тавора обязанности батальонного фельдфебеля — канцелярию вести. Все равно егеря в качестве второго денщика мне легкораненого молодого парнишку подогнали, пока Тавор в Будвиц катался. Из тех ребят, кто «был ранен, но остался в бою». Звали его Ягр. Типичный блондинистый горец с льдистыми глазами и навивным лицом. Никакого языка кроме рецкого он не знал.

Начальником тыла всего отряда я назначил вахмистра из броневагона. С конно-горной батареей он справлялся и здесь справится. В его природной сметке я уже успел убедиться не раз.

Первым делом своих уже саперов перевооружил на трофейные магазинные карабины, что в достаточном количестве нашлись на станции в одном из пакгаузов еще в пушечном сале. С рецких егерей охрану складов пока никто не снимал, а до тотального учета трофеев у интендантов руки еще не дошли. А мы что охраняем, то и имеем... тем более в последние дни. Да и не возражает никто.

Самим егерям такие трофеи без надобности — роторную магазинную винтовку Шпрока, которую только-только внедряли в имперскую армию, они признавали как лучшую. А рецкий маркграф сумел не только наладить у себя производство новых карабинов, но и полностью вооружить ими роту Вальда, когда отправлял ее ко мне.

С патронами на станции проблем не было — запасли царцы их на будущее свое наступление с избытком. Вот снарядов к пушкам было мало. Что да, то да... Полупустые склады. Не успевает царская промышленность пополнять фронтную убыль боеприпасов. А снарядов, несмотря на немногочисленную артиллерию, фронт расходует намного больше винтовочных патронов. Такой вот парадокс.

В целом саперная рота мне понравилась. Видно, что служба в ней поставлена. И самое важное состояло в том, что эта рота обстреляна на фронте. Знают уже саперы, что пулям кланяться не грех и не трусость, а благоразумие.

Провозился на складах до обеда. Приватизировали несколько крепких фур. В комплект к здоровенным соловым битюгам, которых егеря нашли голодными и непоеными через сутки после захвата в железнодорожной конюшне. Передали их в обоз отряда, который сымпровизировали на основе четвертого взвода саперов и состава обеспечения.

«Черный» паровоз прихватили себе хороший. Мощный. Паровозную бригаду я недолго думая призвал на службу из местных железнодорожников. Своей комиссарской властью. Выдав им документы о мобилизации, поставив на довольствие и приняв присягу.

Многим еще поживились на станции, служившей центром снабжения полевой группировки царцев. Каждого унтера обеспечили биноклем. Не сравнить по качеству с изделием от «Рецкого стекла», но лучше такой бинокль иметь, чем вообще никакого. Офицерские планшетки также унтрам не лишними будут, хоть по уставу они им и не положены.

Удобных трофейных револьверов было много. И здесь я законно основывался на королевском указе, предписывающем штурмовиков короткостволом вооружать «по возможности». Хватило на всех, кроме экипажа бронепоезда, но там давно автоматические пистолеты Гоча рулили. Даже винтовок у экипажа БеПо мало — только для караула.

Уходя на обед, строго заявил фельдфебелям подразделений, что сегодняшней день на складах — их, но лишнее барахло в отряде перед наступлением безжалостно выкину на обочину дороги.

— Так что без фанатизма. А то знаю я вашу ргарорskuju натуру. Вам волю дай — оси у вагонов погнутся.

Переспрашивать меня, что означает незнакомое слово, они благоразумно не стали.

По дороге на квартиру отловил на улице интенданта из отдела боевого обеспечения службы первого квартирмейстера. Попался, голубчик! Прижал его к ближайшей стене, сунул под нос длинный ствол пистолета и прошипел, что если через сутки не будет в отряде гранат столько, сколько мной запрошено, то я расстреляю его у этой же стенки за

саботаж. Ибо штурмовик без гранат — это даже не полштурмовика, а простой пехотинец. Похоже, майор впечатлился.

В обед пришел ко мне на дом представляться как новому своему начальнику командир БеПо «Аспид», хорошо знакомый мне лейтенант артиллерии Пехорка. С ним я и опомелся, пригласив разделить со мной обед.

Хозяйка вокруг меня порхала стрекозой, не зная, чем еще услужить, вызывая острый приступ зависти у лейтенанта — сам он квартировал у какой-то старой и жадной карги непонятной национальности. А тут молодая, красивая оземка, все при ней... но несколько не в моем вкусе. Большая женщина. Из тех, что «коня на скаку...». А я все больше стройных люблю да невысоких, как моя жена. Но увяз коготок — всей птичке пропасть. Слава ушедшим богам, через трое суток на фронт.

Перед сном написал две депеши.

Первая — рецкому маркграфу с просьбой о переименовании роты капитана Вальда в «1-ю Рецкую отдельную штурмовую горно-егерскую роту». За штурмовой бой при взятии узловой станции и оборону железнодорожного моста. И о даровании ее личному составу на головной убор коллективной награды — позолоченной медной ленты с надписью «Неясь — Ныся» с датой боя. Даже новую эмблему предложил для такой роты — скрещенные горский бебут и граната-колотушка. Красиво вышло и знаково.

Вторая — кронпринцу, с предложением о создании при каждом фронтовом корпусе штрафной роты для трусов, паникеров и солдат, совершивших различные воинские преступления. А то на станции в пакгаузе, где до того пленных содержали, дюжина мародеров расстрела ждет. В основном «за курицу». И только один сидит за изнасилование местной девицы. Предложил для таких деятелей вместо расстрела ввести сталинский принцип «смыть позор кровью в бою». Не так много у нас в королевстве солдат, чтобы ими разбрасываться, даже такими. На войне нет отбросов, а есть ресурс, который требуется только правильно применять.

А вот при повторном преступлении можно и к стенке ставить.

Расписал примерное положение о постоянном и переменном составе таких рот. О льготах и преференциях постоянного состава — все же служба там специфическая и требует повышенного нервного напряжения с таким-то переменным контингентом. Необходимости непосредственного подчинения таких рот лично командиру корпуса и обязательного использования штрафников только на самых опасных участках фронта.

— Касатик, я тебе баньку истопила, — обняла меня сзади хозяйка пышными руками, тесно прижавшись к спине большой упругой грудью. — Жаркую...

Банька — это на войне всегда хорошо. Даже с бабой грендерского роста.

2

Как всегда, все пошло не так, как планировалось. Любой план не выдерживает столкновения с реальностью хотя бы потому, что у врага свои планы и по нашим начертаниям он действовать не желает. Да и ношу командование взвалило на себя далеко не рядовую — глубокую операцию по расходящимся направлениям, хотя по военной науке моего мира постулировалось все с точностью до наоборот. Клещи должны быть сходящимися. И основное мое опасение: выдержит ли такое напряжение интендантство.

Да и враг нам попался непростой. Я бы даже сказал, странный. То бежит в панике, бросая все, а то на самом неудобном для обороны месте встанет насмерть и дерется, как на пороге собственного дома. Правда, в психические контратаки с прошлого года царцы больше не ходят. Здесь, на севере Восточного фронта, противник нам попался умелый, храбрый, обученный, от окопной грязи еще не уставший. Резерв для развития наступления, который придерживался царским командованием до поры. Один полк так вообще лейб-гвардейский против нас воевал. М-да... Уже

воевал... За три дня сточился от героической храбрости штыковых атак на пулеметы.

Но вот коли у монархов до гвардии на фронте дошло, то война нынешняя вошла в новую фазу. Такого здесь еще не бывало. Гвардия — это всего лишь охрана монарха, а не за-служенная в боях часть, как было у меня на родине, в моем мире. По крайней мере, в моей стране.

Что нам точно не удалось на северном флесе фронта, в отличие от других его участков, так это расстроить у врага управление войсками. После лихого захвата узловой станции и выдвижения нашей пехоты на север до первого железнодорожного разъезда, враг быстро опомнился и пригнал по «железке» достаточно войск для контрнаступления, которое у него захлебнулось, но из графика нас выбило основательно. И дальше начался «тяни-толкай» вдоль железнодорожного полотна. Сопка наша — сопка ваша.

Справа нам ограничивала маневр река, слева — частые озера и болотца с узкими дефиле. И леса. Но точно в таком же положении, разве что зеркальном, находился и противник. Тут уже кто кого лоб в лоб передавит, как бараны в бодании за отару.

На четвертый день наступления мой бронепотряд вступил в бой и выбил царцев с отбитого ими у нас разъезда. Легко. Те просто не ожидали такого непробиваемого шрапнелью монстра, который сам огрызается «избыточным», по показаниям пленных, количеством пулеметов. И орудия имел солидного калибра. У «Аспида» один вагон был даже с четырехдюймовой гаубицей в поворотной башне.

Не раз и не два я хвалил себя за прозорливость включения в отряд саперной роты, которая чем дальше, тем больше превращалась в железнодорожную. Осознав в броневом отряде главную ударную силу наступления, враг, отходя, местами портил пути железной дороги. Увозил с собой рельсы. Выковыривал шпалы и укладывал их в огромные костры на насыпи, которые, уходя, поджигал. Приходилось ждать, когда подвезут нам с узловой новые. То, что мы везли с собой на контрольных платформах, быстро закончи-

лось на первом таком участке. А логистика на то рассчитана не была. Вагонов и так не хватало. Все на это жаловались.

Я не знал, кто командовал царцами в их «отступе к морю», но этот военачальник ни разу не дал нам загнать себя в «мешок», лихо выдергивая свои арьергардные полки из-под нашего решающего удара в самый последний момент. Фактически из-под нашего носа. Но и мы не давали ему основательно окопаться и создать позиционный тупик. Сбивали с обороны на неудобные для него позиции.

Тактический десант царцев силами двух батальонов на речной берег в нашем тылу оказался успешным только на первом этапе. А именно на этапе высадки и марш-броска от берега с целью перерезать нам «железку». Это даже удалось им. И держались они там уверенно до тех пор, пока не подошли по железной дороге все наши наличные броневые силы. Под прикрытием БеПо сняли с проходящего эшелона восьмиорудийную батарею четырехдюймовых гаубиц, которыми потопили оба парохода, высадивших десант и корректировавших огонь царской артиллерии в его поддержку с противоположного берега. Остатки десантных батальонов сдались. Лишь некоторым удальцам посчастливилось переплыть на правый берег реки. Больше таких попыток царцы не производили.

Нам же десант с реки высаживать было просто не на чем, уходя на север, царцы отгоняли к устью все, что маломальски могло по воде плавать. Имея в тылу морской порт, железную дорогу и речные суда, царцы перед нами не испытывали нужды в продовольствии, патронах и снарядах, в отличие от своих соратников на юге, у которых из линий снабжения остался только неторопливый железнодорожный паром.

Мы давили.

Враг отходил.

Но все двигалось так медленно. Два пеших дневных перехода (полтора часа на поезде) корпус прогрызал с боями десять дней. В среднем по четыре километра в сутки, безнадежно отставая от графика достижения намеченных рубежей.

Бронепоезд работал ежедневно по схеме «налет — отскок». Подвижной артиллерийской поддержкой наступающей пехоты. Только один раз мне удалось внахалку ввалиться бронепоездом с ротой штурмовиков на большую станцию и взять ее «на штык» без единого выстрела. Но там меня самого царцы быстро зажали в мешок. И пять часов пришлось отряду отбиваться в полном окружении, пока меня не деблокировала наша пехота, нависнув над флангом царцев угрозой второго кольца, которое уже их брало в окружение, прижимая к реке.

На этой станции кроме неразгруженной гаубичной батареи на платформах затрофеили обширные склады ценного военного имущества, и самое главное — продовольствия, со снабжением которым у нас начались некоторые перебои.

Большим откровением для меня стала находка в эшелоне с гаубицами трехкотловой полевой кухни моей конструкции, но царской работы. Они и в наши-то войска только-только стали поступать. Вот и думай, где у нас «течет»: в Будвице или в столице империи? На всякий случай оставил эту кухню при себе, заведя официальное дело о посябничестве врагу.

На станции Троблинка, когда мы окончательно оставили ее за собой и отогнали царцев, я отделил комиссарский эшелон от состава обеспечения БеПо. И это было правильно, так как командир бронепоезда должен сам распоряжаться своим хозяйством, а я ему только приказы отдавать. Или передавать их от высокого начальства.

Навел на эту мысль меня компактный экономичный паровоз небольшого размера без тендера с угольными танками над котлом. Новенький. На трех осях с высокими колесами почти в рост человека. Специально построенная машина для этой дороги на Соленых островах — даже бронзовая дарственная табличка была в наличии. К танк-паровозу прилагались почтовый вагон с большим несгораемым сейфом и комфортабельным купе для проводников и пара классных пассажирских вагонов, очень оригинальных, каждый на шесть купе, двери из которых открывались сразу на улицу, хотя и был с противоположной стороны узкий

проход вдоль всего вагона для стюарда. В каждом купе имелось по шесть удобных велюровых кресел. Остальные вагоны этого состава были оземской постройки, по советской классификации «общие». Старые и обшарпанные. Мы их отцепили и добавили к творениям островного гения мой импровизированный салон-вагон.

Получился короткий состав на четыре вагона плюс платформа с кухней. В почтовом вагоне склад, в пассажирских — два взвода моей физической поддержки и защиты. Эти странные вагоны своей конструкцией обеспечивали максимальную скорость высадки егерей из них, что немаловажно.

Вахмистр прописался в почтовом вместе с писарем ЧК, которого я наконец-то себе завел. Писарь заведовал сейфом. В сейф складировались доносы, допросы и прочие бумаги, касаемые ЧК, но которым я не давал пока ходу.

На вторую неделю операции к врагу стали приходиться даже какие-то подкрепления морем. По крайней мере, мои егеря брали языков из новых частей, которых ранее, по мнению второго квартирмейстера штаба корпуса, на этом фронте не было. От них-то мы и узнали, кто так умело нам противостоит — полковник Куявски. Всех трех царских генералов, которые командовали северной группировкой, бронепоезд накрыл шрапнелью на их рекогносцировке ближайшего к узловой разъезда в первый же свой боевой выход.

Надо же, «а мужики-то и не знали».

Мы так и не соединились с рецкими бригадами и отогузской кавалерийской дивизией, которые вошли в Приморье через болота. Хотя такое воссоединение планировалось Ставкой на третий день наступления. Связи с ними считай что не было. Так... просачивались отдельные курьеры к нам через линию фронта или вкруговую через гать, лес и «железку». Но этого было явно недостаточно для согласованных действий. Доставляемые ими сведения чаще всего ко времени доставки «протухали».

После того памятного боя в окружении на станции Троблинка командир корпуса перестал меня воспринимать как «папенькиного сынка» и стал относиться всерьез. Здесь в офицерской среде отчего-то стойко шептались, что я бас-

тард рецкого маркграфа. Откуда взялась эта сплетня, я не знаю. Но, наверное, только так и можно было объяснить мою стремительную по местным меркам карьеру. Ведь еще два года назад я был всего лишь деревенским кузнецом в горах Реции. Без роду без племени. А сейчас я и барон, и королевский флигель-адъютант, и чрезвычайный королевский комиссар в чинах не по возрасту. Это еще в войсках не знают, что я и фабрикант до кучи.

Мелкий грибной дождик вяло шуршал по натянутому брезенту.

В штабной палатке командир корпуса генерал-лейтенант Аршфорт ходил резкими шагами перед строем генералов и взывал:

— ...что ты его толкаешь? Ты его рассекай, дрови и дави по частям. Толку от того, что ты бьешь его в лоб, выталкиваешь противника от себя, никакого. Он отошел и снова закрепился. А ты в атаках свою бригаду наполовину уже сточил. И что мы имеем? Шматок голого поля остался за нами? А враг снова целехонек.

Аршфорт был в страшном гневе. Его жертва — командир пехотной бригады — не знал, как ловчее ему сквозь землю провалиться. Публичность выволочки делала ее еще неприятней. И выражений комкор не выбирал. Самолюбия генеральского не жалел. Вот нисколечко.

Офицеров в ранге ниже генерал-майора в палатке, кроме меня и адъютанта командующего, не было. Но я — королевский комиссар, допущенный к совещаниям и в Ставке. Это все знали. По крайней мере, с уровня начальников дивизий меня там все видели. Да и не носил я на своей кожанке знаков различия, чтобы не вносить диссонанса в генеральскую компанию капитанскими погонами.

— Начальник дивизии? — взревел командующий.

— Я! — откликнулся пожилой генерал-лейтенант в бородке клинышком и золотом пенсне, больше похожий на земского врача, чем на военного. Но мнение о нем было неплохое. Тактик. Только характером не вышел. Комбриги у него себя очень вольготно чувствуют. Такого бы в началь-

никах штаба держать... но ценз и старшинство выслуги сами вытолкали его на командную должность.

— Вводи в бой свою вторую бригаду, а эту отправляй на переформирование на узловую, — и снова повернулся к проштрафившемуся комбригу, нависая над ним. — Но если и потом так же хреново воевать будешь — сошлю в тыл. Заведовать выставкой трофеев в детском парке. Вам ясно, генерал Вариас?

Комбриг, судя по его блеснувшему взгляду, был бы даже рад такой перспективе. Он давно служил больше по привычке и должности получал по старшинству выслуги. Пенсию себе выслужил еще до войны и теперь добирал боевые проценты к ней. Вот и воевал, как в прошлую войну было принято, но без огонька. Хоть плотными колоннами солдат в атаку не гонял, и то хлеб...

Комкор налил себе воды из розового хрустального графина рецкой работы. Жадно выпил ее и, подойдя к карте, сказал уже вполне успокоившимся голосом:

— Теперь для всех. Прошло десять дней с начала наступления, а мы продвинулись на север всего на сорок пять километров. Это недопустимо медленно. По плану мы должны были уже выйти к морю и штурмовать береговые укрепления морского порта, а до него еще шестьдесят километров. Это с учетом такой льготы, что правый наш фланг прикрывает река. Станцию Троблинку взял с ходу бронеполк без выстрела и полдня воевал в окружении, пока пехота не соизволила подтянуться ему на помощь. Но пехота еще ладно... Генерал Бьеркфорт!

— Я, — вытянулся в струнку худой и длинный генерал, неуловимо похожий на де Голля.

— Почему опоздали выдвинуться к плану развертывания?

— ВОСО¹ виновато, экселенц. Не могло вовремя найти для нас вагонов.

— Вы чем командуете, граф? — снова заревел Аршфорт.

— Отдельной кавалерийской бригадой, экселенц, — спокойно ответил ему генерал.

¹ ВОСО — служба военных сообщений.

— Так какого подземного демона вы — конница! — торчали неделю в вагонах железной дороги? — Аршфорт сделал смысловой акцент на слове «конница». — От узловой до нас всего два дневных перехода! Думаю, у вас найдется о чем побеседовать с комиссаром ЧК. После военного совета.

О-о-о-о-о... Аршфорт наконец-то нашел, как меня встроить в свою систему военной диктатуры. Похвально. Быстро соображает.

— Теперь о приятном, господа. — Аршфорт мило улыбнулся. — Указом его императорского величества Отония Второго командир нашего броневоего отряда барон Бадонверт с сегодняшнего дня причислен к когорте имперских рыцарей. По совокупности заслуг с начала наступления. За прорыв, за станцию и за мост... К сожалению, пока пришла только телеграмма. Знак Рыцарского креста вам вручат позже, барон. И не здесь. Мои поздравления.

И в моей душе колокола забили малиновым звоном. Амнистия мне!!! Иначе зачем бы нужна была эта хитрая, такая обаятельная для тех, кто понимает, формулировка «по совокупности заслуг». Прямой же намек на мой налет на контрразведку в Будвице.

Ноги самостоятельно сделали шаг вперед и слова, обгоняя мысли, сами выстроились в ритуальный формуляр.

— Служу императору и Отечеству!

— Вольно, барон, — улыбнулся командующий. — Ваши наградные листы на чинов бронеотряда его королевское величество Бисер Восемнадцатый утвердил. Засылайте гонца в наградной отдел ставки за знаками. И позовите меня на церемонию награждения. Все же такое впервые в моем корпусе, чтобы разом награждали целое подразделение.

Командир кавалерийской бригады зашел в мой вагон и удивленно оглянулся. Салон у меня переделан из стандартного пассажирского вагона второго класса, прихваченного по случаю на узловой станции. Но так, на скорую руку. Швы видны. Грубая отделка. Оставлены лишь пара купе для меня и денщиков. Узкое купе стюарда в другом конце вагона с микроскопической кухонькой и угольным титаном

для кипятка. Ватерклозет с холодным умывальником. Остальное — салон. Мебель простая дубовая с какого-то вокзального кабинета — Тавор расстарался. Диван так вообще лавка из зала ожидания с маркой железнодорожной компании на высокой спинке. Карта на стене за шелковой шторкой. Конторский шкаф. Несколько керосиновых ламп на столе и потолке, и все.

— Простите... — замялся генерал с обращением, так как на кожаной куртке я не носил знаков различий. — Барон, если я не ошибаюсь. Где мне найти королевского комиссара?

— Я перед вами, генерал. Чрезвычайный королевский комиссар барон Бадонверт. Честь имею.

— Честь имею представиться, — в свою очередь шелкнул каблуками генерал. — Генерал-майор граф Бьеркфорт. Командир Удетской отдельной кавалерийской бригады. Прибыл к вам по направлению командира корпуса... Э-э-э-э... для беседы.

И замолк, надеясь, что я сам ему расскажу, зачем он здесь. А то он в полных непонятках пребывает.

— Присаживайтесь, ваше сиятельство. Чай? Кофе? Что-нибудь покрепче?

— Благодарю, ваша милость, — принял граф мою игру в отвлеченный светский треп. — Рюмку водки, если нетрудно.

Позвонил в колокольчик и отдал приказ по-рецки заглянувшему в салон младшему денщику.

— Вы не огедец, ваша милость? — удивленно спросил генерал.

— Нет, ваше сиятельство. Рецкий горец по рождению. И барон тоже рецкий. А разве в империи это имеет какое-либо значение?

— Нет, но... — слегка замялся граф. — Так какие у вас ко мне вопросы?

Тут Ягр принес графинчик сливовицы от вдовушки граммов на четыреста, рюмки на полтосик, соленые огурцы, квашеную капусту и моченые в той же капусте яблоки, уже порезанные. Салфетки и приборы. Расставил все на столе на простой льняной салфетке, наполнил нам рюмки и удалился.

— Прошу, ваше сиятельство, — сделал я приглашающий жест на натюрморт. — Чем богаты, как говорится... Со знакомством, — поднял я свою рюмку.

Пил генерал вкусно, не закусывая, только крякнув. Настоящий кавалерист. Было в нем что-то от российского представления о гусарах, если бы не его кирасирский рост.

Поставив рюмку на стол, он показал мне глазами «повторить».

Повторили. Закусили моченым яблочком.

— Хороша сливовица. Домашняя. С любовью делана, — оценил напиток генерал.

Былое напряжение его, очевидно, отпустило. И он немного расслабился.

— Так что вы хотели у меня узнать, барон?

— Реальную причину вашей задержки от графика движения войск, — налил я по третьей.

— Нехватка вагонов. А раздвигать бригаду по частям я не позволил — собери ее потом. Только квартирьеров вперед выслал.

— Сколько вагонов вам требовалось?

— Минимум две сотни. Но ВОСО одновременно не набирало и четверти. Отправляли ими пехоту частями. Фураж и еще какой-то интендантский вздор.

— Интересно... — протянул я и жестом предложил выпить. — Когда мы покидали узловую неделю назад, то после очищения станционных и запасных путей пустые вагоны стояли вплотную чуть ли не на десяток километров в сторону разрушенного моста. Куда они все делись?

Выпили. Крякнули. Закусили.

— Толком мне никто ничего не объяснял, барон, но как я понял из обрывков разговоров, все вагоны в первую очередь пошли под вывоз трофеев и под пленных, чтобы скорее убрать их из района боестолкновения. Действительно эшелоны с закрытыми теплушками шли нам навстречу почти непрерывно.

— Это где столько народа сдалось? Да вы закусывайте, ваше сиятельство... Может, салыца соленого порезать?

— Всего достаточно, — улыбнулся граф и смачно захрустел малосольным огурчиком.

— А куда делись вагоны, на которых вы прибыли на узловую?

— Понимаете... Нас с них высадили. Дали сутки отдыха перед отправкой на фронт, а вагоны за это время ушли обратно, и новых нам не дали. Вот так как-то.

— Понятно... А откуда столько пленных?

— Сдалась группировка царцев у северного форта, которую в болота загнали. На третий день. Целиком вся дивизия. Со знаменами. Их с ходу отрезали от тылов, а патроны кончились быстро. Помирать с голоду в болоте им не захотелось.

— А у южного форта как?

— Те еще держатся. Но вот на том разъезде, где поворот на полевой укрепрайон, там тоже приличное поле окружено колючкой. С пленными. Под охраной. Даже вышка с пулеметом есть. Много пленных. С пехотный полк где-то. По мере возможности и их вывозят. Так что обратно не все вагоны доходят до узловой.

— Понятно. А как себе все же вагоны выбили?

— Пулеметом.

— Как? — удивился я.

— Поставил пулеметы на путях и сказал, что первый, кто попытается забрать пустой вагон, отправится вслед за ушедшими богами. Так вот за трое суток и накопил потребное количество на бригаду. Готов ответить по всей строгости за самоуправство.

— Наливайте, — предложил я.

Генерал несколько опешил, ожидая, видимо, совсем других слов.

— Вы сколько бригадой командуете, ваше сиятельство?

— Два месяца. До того командовал кирасирским полком. Моя бригада, собственно, и состоит из этого полка и полка конных стрелков, собранного из запасников. Но они скорее ездящая пехота. Даже не драгуны.

— А пулеметы у вас какие?

— Вот пулеметы у меня новые. Системы «Лозе». Такие же здоровые дуры, как и бывшие у нас ранее гатлинги. Раз-

ве что все же несколько полегче будут. Но у лафетов слабые колеса. Двухдневного марша своим ходом они бы не выдержали. Проверено еще на боевом слаживании полков. Еще в пункте постоянной дислокации.

— Ну а сам этот пулемет как вам?

— Дает задержки. Ленту перекашивает. Но терпимо. Я еще и прежние гатлинги не отдал. Так с собой и вожу. Старая надежная машинка. Парочку трофейных пулеметов я еще на узловой прихватил — никому не были нужны, — исповедовался мне генерал.

— Механические?

— Так точно. Как наши, только восьмиствольные. Патронов трофейных к ним у меня вагон целый. Я так понял, что лишними они в бригаде не будут. Когда еще мы сподобимся ручники от «Гочкиза» получить?

— Так понравились? — спросил я с интересом.

— Не то слово, ваша милость, это просто как для кавалерии специально делалось, — с чувством воскликнул комбриг.

Что ж, не скрою, слышать такое было мне приятно. Но я не стал раскрывать свою принадлежность к созданию ручного пулемета. Сто пудов клянчить начнет. И ведь не отстанет, пока не получит вожделенного. Так что пора закругляться.

— Итак, ваше сиятельство, Чрезвычайная королевская комиссия по борьбе с саботажем и пособничеством врагу в лице королевского комиссара барона Бадонверта, рассмотрев ваше дело, не нашла в ваших действиях ни саботажа, ни пособничества врагу. Со стороны ЧК к вам вопросов больше нет. По последней?

Генерал удовлетворенно кивнул. Какой же кавалерист откажется от водки?

3

На четырнадцатый день наступления, согласно календарю, грянул первый настоящий осенний дождь. Затяжной, проливной и холодный. Небо все заволочло плотными ту-

чами. Дирижабли перестали летать, и мы остались совсем без глубокой зафронтной разведки.

Аршфорт неумолимо гнал нас вперед, пока почвы окончательно не раскисли. К середине месяца наши войска отбили еще пятнадцать километров железной дороги. В качестве бонуса нам достался крупный разъезд на восемь ниток запасных путей. С большим поселком, который другой околицей упирался в речной порт с рыбоконсервным заводом, коптильней и пивоварней, что резко подняло в войсках боевой дух.

Но пиво холодной осенью не самый полезный продукт, и я настоятельно потребовал от Аршфорта распорядиться насчет обязательной выдачи винной порции всем войскам на открытой местности. По сто грамм в день. «Наркомовские», так сказать. В чем меня активно поддержали корпусные лекари. Им также не улыбалось получить массу простудных заболеваний в личном составе.

К этому времени рецкие горнострелковые бригады пробились от болот к железной дороге и перерезали ее в тылу царских войск до самой реки.

Группировка полковника Куявски все же попала в окружение, как он ни старался этого избежать. А порт с городом сели в сухопутную блокаду. Но как-то все коряво выходило. Враг был рассечен, но сопротивлялся активно, имея подвоз боеприпасов по реке как от устья пароходами, так и с другого берега лодками по ночам.

Сельскую местность в Приморье взяли под контроль отогузские конники, вылавливая остатки мелких царских гарнизонов. Пленных некуда было девать, потому что гать работала только в одном направлении днем и ночью и не справлялась с потребным потоком грузов. От нас же экспедиционные части по-прежнему были отрезаны полевой группировкой полковника Куявски.

Ситуация грозила вылиться в патовое состояние. Несмотря на проливные дожди, подкрепления стали поступать в Приморье в основном не к нам, а к рециям и отогузам через гать, пока она еще проходима. А то зальет все, и болота поднимутся, затопив переправу. А обкладывать при-

морский город надо сразу, пока враг не нагнал морем подкреплений и не построил непреодолимой сухопутной обороны. Портовый город, как и везде, хорошо прикрыт только с моря.

Ставка короля запросила у императора поддержку имперского флота, чтобы блокаду Шеттинпорта сделать полной. Или хотя бы почти полной, учитывая то, что правый берег Ныси все еще в руках царцев. И такой приказ был отдан. В море загрохотали большие пушки трех флотов. С переменным успехом, потому как четвертой стороной конфликта стала погода — туманы, дожди и шторма.

В нашем корпусе, несмотря на нормально функционирующую железную дорогу, начались проблемы с боепитанием. Точнее, проблемы были с вагонами, которыми подвозили снаряды и патроны. Их количество медленно, но неуклонно сокращалось.

Собрав документы и проконсультировавшись с первым квартирмейстером, я напросился на аудиенцию к командующему.

— Ваше превосходительство, данный вопрос требует моего прямого участия как комиссара ЧК. Саботаж надо пресекать сразу и в корне. Иначе скоро нам не только стрелять, но и есть будет нечего. Зарываться в землю по такой погоде — хуже не придумаешь, тем более в местных глинистых грунтах. Кто-то крадет наши вагоны, и с этим преступным деянием пора кончать.

— Не думаю, — возразил мне невозмутимый комкор. — Скорее это обычное наше головотяпство. Кто у нас идет в интенданты? Те, кому не хватает храбрости и ума служить в строю.

И вот тут я показал ему царскую полевую кухню моей конструкции, которую заранее подогнал к его домику.

— Это тоже, ваше превосходительство, можно объяснить обычным нашим головотяпством? Судя по шильдику, эта кухня-самовар сработана в Ракове в механических мастерских железнодорожного депо даже раньше, нежели документация на них пришла на наши заводы. Я это точно знаю, так как такая кухня-самовар — это мое изобретение,

прошедшее через имперский комитет. Прогнило где-то в империи...

Аршфорт почесал кулаком усы. Крякнул недовольно. Но ничего не сказал.

А я продолжил:

— У меня нет уверенности в том, что ВОСО и интендантство просто не справляются из-за некомпетентности. Либо пособничают врагу, либо возят ворованное частными рейсами и не возвращают обратно вагоны. По плану наступления вагонов было достаточно до конца операции, и на узловой мы немало их взяли трофеем. Как и паровозов.

— Кого оставляете за себя? — только и спросил генерал, садясь за свой стол. — Исполняющим обязанности, конечно. Потому как снимать вас с командования отрядом я не намерен. У вас это хорошо получается, барон.

— Благодарю вас, экселенц. За себя я оставляю капитана Вальда.

— Вальда? — удивился генерал. — Он же всего лишь командир горно-егерской роты?

— Вот именно, ваше превосходительство. Командир штурмовой роты, доказавшей свою эффективность при взятии населенных пунктов. И бронепоезд только обеспечивает работу этой роты. К тому же он в отряде самый старший по чину.

— Что ж, будь по-вашему... — согласился генерал и поменял тему: — Вы увидите его величество в ближайшее время?

— Надеюсь на это, экселенц, — ответил я неопределенно, потому как еще не решил, пора мне ехать в ставку или не пора.

— Тогда подождите немного, я напишу ему депешу в Ставку и также отправлю с вами накопившиеся наградные листы.

Узловая встретила меня полным бардаком: вавилонским столпотворением людей, лошадей, стирхов, повозок и вагонов, среди которых ловко протыривались торговцы всякой всячиной вразнос, подпирали стены вокзала скупающие и

пока еще трезвые проститутки. Гам стоял круглосуточный. Гарь. Паровозный дым и пар. Причем гражданских толклось на вокзале не меньше военных. И это было странно.

Сильнее всего меня удивило большое количество проституток. В основном молодых еще девочек. Те первые три дня, которые я провел на узловой, их вообще не было видно. Причем на развязных профессионалок они мало походили. Тихо стояли и ждали, когда их выберут те, кому прищипило. Сразу вспомнилось, что шутник Сталин во время Великой Отечественной войны приравнял триппер к членовредительству и за то, что офицер намотал на член гонококк, его отправлял в штрафбат на три месяца. А презервативы в вещевом довольствии Красная армия впервые увидела только в Румынии.

Дежурный по станции с трудом нашел место, куда прикнуть мой эшелон. По великому моему «везению», на самых задворках сортировочной станции.

Зато я сам наглядно убедился, что бардак бардаком, но в мутной воде кто-то ловит свою крупную рыбу. Иначе зачем, имея сквозные пути, сначала разгружать вагоны в пакаузы, а потом снова загружать те же грузы в эти же вагоны, чтобы отправить в адрес нашего первого корпуса. Явно имеет место быть пересортица, усушка и утруска. Погрузочно-разгрузочные работы велись и ночью при свете керосиновых ламп.

Скандалить не стал. Просто вызвал к себе на эти задворки в свой салон повесткой начальника пункта ВОСО и местного главного начальника по интендантскому ведомству. Поначалу вежливо, с посыльным. С вручением документа под расписку.

И приказал раздать личному составу ужин, который готовился в полевой кухне, пока мы были в пути. Сам также с удовольствием поел из солдатского котла с бойцами на платформе — готовил рецкий повар простые и вкусные деревенские блюда, к которым я, оказывается, успел привыкнуть, пока жил на хуторе. Даже чем-то родным повеяло. Хотя повар у нас не профессионал, а выборный из бойцов.

Приложение 1

ТАБЕЛЬ О РАНГАХ ИМПЕРСКОЙ АРМИИ

Номера категорий	Пехота Егеря Горные стрелки Административная служба Интендантство	Кавалерия	Артиллерия	Инженерные войска	Военно-морской флот Военно-воздушный флот
1	Генерал-фельдмаршал				
2	Генерал-полковник*				Адмирал моря* Адмирал неба*
3	Генерал пехоты	Генерал кавалерии	Генерал артиллерии	Инженер-генерал	Адмирал
4	Генерал-лейтенант	Генерал-лейтенант	Генерал-лейтенант артиллерии	Инженер — генерал-лейтенант	Вице-адмирал
5	Генерал-майор**	Генерал-майор**	Генерал-майор артиллерии**	Инженер — генерал-майор	Контр-адмирал**
6	Полковник	Полковник	Полковник артиллерии	Инженер-полковник	Капитан-командор

Номера категорий	Пехота Егеря Горные стрелки Административная служба Интендантство	Кавалерия	Артиллерия	Инженерные войска	Военно-морской флот Военно-воздушный флот
7	Подполковник	Подполковник	Подполковник артиллерии	Инженер-подполковник	Фрегат-капитан
8	Майор ***	Майор***	Майор артиллерии***	Инженер-майор***	Корвет-капитан***
9	Капитан	Ротмистр	Капитан артиллерии	Инженер-капитан	Капитан-лейтенант
10	Старший лейтенант	Баннерет	Старший лейтенант артиллерии	Инженер — старший лейтенант	Лейтенант флота
11	Лейтенант	Корнет	Лейтенант артиллерии	Инженер-лейтенант	Мичман
12	Штаб-фельдфебель****	Штаб-вахмистр****	Штаб-фельдфебель артиллерии****	Штаб-фельдфебель****	Кондуктор**** Гардемарин

13	Старший фельд- фебель	Старший вах- мистр	Старший фельдфе- бель артиллерии Старший вах- мистр конной ар- тиллерии	Старший фельд- фебель	Старший боцман
14	Фельдфебель, портупей-юнкер	Вахмистр, портупей-юнкер	Фельдфебель ар- тиллерии, вахмистр конной артиллерии, портупей-юнкер	Фельдфебель, портупей-юнкер	Боцман
15	Унтер-офицер, юнкер, фельдъюнкер	Унтер-офицер, юнкер, фельдъюнкер	Старший фейер- веркер, юнкер, фельдъюнкер	Унтер-офицер, юнкер, фельдъюнкер	Боцманмат, юнкермарин
16	Штаб-ефрейтор	Штаб-капрал	Фейерверкер	Штаб-ефрейтор	Обер-маат
17	Старший ефрей- тор	Старший капрал	Старший бомбар- дир	Старший ефрей- тор	Маат
18	Ефрейтор	Капрал	Бомбардир	Ефрейтор	Матрос 1-й статьи
19	Старший стрелок, старший егерь и т. п.	Старший кирасир и т. п.	Старший канонир	Старший сапер	Матрос 2-й статьи

Номера категорий	Пехота Егеря Горные стрелки Административная служба Интендантство	Кавалерия	Артиллерия	Инженерные войска	Военно-морской флот Военно-воздушный флот
20	Стрелок, егерь и т. п.	Кирасир, драгун и т. п.	Канонир	Сапер, минер и т. п.	Юнга

Все чины разбиты на двадцать классовых категорий — рангов.

Чины императорской и королевской гвардии имеют при одинаковом же названии преимущество в два класса.

Чины воздухоплавательных отрядов при том же названии имеют преимущество в один класс. Чин капитан-командора в ВВФ равен военно-морскому, но вот чин фрегат-капитана отсутствует. Из корвет-капитанов в ВВФ сразу производятся в капитан-командоры. Чин адмирала неба имеет только император, как первый командующий ВВФ.

*Чин генерал-полковника, как и чин адмирала моря (адмирала Северного моря, адмирала Южного моря и т.п.), временный, присваивается только во время войны, когда надо выделить командующего среди равных генералов и адмиралов. Может быть оставлен при выходе в отставку.

** Чин генерал-майора дает по выслуге потомственное имперское дворянство.

*** Чин майора дает личное имперское дворянство (но не рыцарство) по выслуге. Что-то вроде средневекового оруженосца с правом на личный герб. Пользуется всеми привилегиями дворянства, кроме права перенести их по наследству.

**** Чин штаб-фельдфебеля и к нему приравненных существует, но по традиции давно не присваивается.

Приложение 2

ОРДЕНА ИМПЕРИИ

Солдатский крест — присваивается исключительно за личную храбрость на поле боя перед лицом врага. Награждаются им только в военное время от имени императора. На нижнем луче креста выбита дата начала войны.

1-й класс — знак ордена носится на булавке на левой стороне груди ниже петличных наград.

2-й класс — знак ордена носится в петлице, а при полевой форме только ленточка в петлице.

Рыцарский крест — присваивается исключительно за личную храбрость перед лицом врага тем, кто уже имеет Солдатский крест 1-го и 2-го класса. Имеет вид Солдатского креста, но носится на шее. Награждение Рыцарским крестом одновременно автоматически возводит человека в личное дворянство как «имперского рыцаря».

Имперский крест — высший орден империи, присваивается за особые заслуги перед всей империей. Дарует потомственное дворянство. Знак ордена носится на широкой ленте через плечо. Офицер или чиновник, получивший Имперский крест, возводятся автоматом в следующий чин с абсолютным старшинством по производству в новом чине.

ОРДЕНА КОРОЛЕВСТВА ОЛЬМЮЦ

Орден Бисера Великого — высший орден Ольмюцкого королевства.

Имеет пять степеней.

1-я степень — знак ордена носится на широкой ленте через правое плечо и со звездой ордена на левой стороне груди.

2-я степень — знак ордена носится на шее и со звездой ордена на левой стороне груди.

3-я степень — знак ордена носится на шее.

4-я степень — знак ордена носится в петлице.

5-я степень — медаль ордена «За полезное», носится в петлице на ленте ордена.

Крест военных заслуг — присваивается королем за военные заслуги исключительно в военное время. На нижнем луче креста выбита дата начала войны.

Крест военных заслуг с мечами — за личную храбрость перед лицом врага.

Крест военных заслуг с венком — за военные заслуги, связанные с командованием людьми.

Крест военных заслуг с венком и мечами — за заслуги, связанные с командованием людьми и проявленную при этом личную храбрость перед лицом врага.

1-я степень — знак ордена носится на широкой ленте через левое плечо.

2-я степень — знак ордена носится на шее.

3-я степень — знак ордена носится в петлице.

4-я степень — медаль ордена «За отвагу», носится в петлице на ленте ордена.

Кавалер любой степени Креста военных заслуг имеет привилегию на непосредственный суд самого короля.

Король может в знак особых заслуг присвоить уже выданному ордену «**трофей**», который носится над верхним лучом креста. Трофей имеет вид разнообразной военной

арматуры на фоне штандарта или скрещенных знамен. Трофеей может быть присвоен и в мирное время.

Золотое оружие с надписью «За храбрость» с темляком ленты Солдатского креста — награждают главы автономных субъектов империи (короли, герцоги и т.п.), так как Солдатским крестом может наградить только император. Считается равным Солдатскому кресту 2-й степени, но более почетной наградой.

Знак за ранение «Слава пролившему кровь за родину».

Одно — три ранения — знак серебряный.

Свыше трех ранений — золотой.

Носится на булавке ниже Солдатского креста 1-го класса.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРЕЦ. ИМПЕРСКИЙ РЫЦАРЬ. <i>Фантастический роман</i> . . .	5
<i>Приложение 1.</i> Табель о рангах имперской армии	305
<i>Приложение 2</i>	
Ордена империи	309
Ордена королевства Ольмюц	310